

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Астра Голд

СТРАСТЬ МЯТЕЖНОГО КОРОЛЯ

Астра Голд

Страсть мятежного короля

<https://litres.ru/74234597>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мида из некогда знатного, но разорившегося рода. Ее принимают на работу во дворец на должность простой служанки, как раз перед нападением на столицу армии южного владыки и свержением короля.

Кристан — принц, который в один день становится последним законным наследником Аркенора. Теперь он в бегах, а рядом с ним оказывается строптивая служанка, знающая не понаслышке о жизни за пределами дворца.

Их путь лежит через объятую войной страну на север, где королевская армия столетиями охраняет границы от опасных и жестоких драконов.

— Я вас безгранично уважаю, ваше высочество. И всю королевскую семью тоже, даже не сомневайтесь. Но единственный мужчина, в чью спальню я зайду — это мой супруг.

Уголок его рта дрогнул.

— Но супруга у тебя нет.

Я нервно качнула головой.

— Ну надо же, невинная служанка и распутный принц. Мне нравится расклад.

— А мне не очень ваше высочество.

Содержание

1 глава	5
2 глава	11
3 глава	18
4 глава	24
5 глава	32
6 глава	40
7 глава	48
8 глава	53
9 глава	61
10 глава	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Астра Голд

Страсть мятежного короля

*Жить без любви можно, но без любимой —
невыносимо.
Кристан*

1 глава

Мида

— Давай, заходи, не стой под дождём!

Тётушка Эрмель крепко схватила за руку и силой затащила в полутёмное помещение.

Первым делом в нос ударил невыносимый запах пересушенных трав. Королевская кладовая. Ну надо же, какая... тёмная и вонючая.

Тётка не стала рассыпаться в приветствиях, а потащила дальше. По узким каменным коридорам, через какие-то закутки, пока мы не оказались возле дверей королевской кухни. Здесь уже пахло тушёным мясом, свежими овощами и, кажется, сладким грушевым пирогом. Желудок моментально отозвался заунывным урчанием. После долгой дороги из графства отца к королевскому двору я была готова съесть что угодно.

— Здесь тебе не отчий дом, Асмида, — шипела тётка, ты-

ча пальцем мне в грудь. — Вышла бы замуж за лорда, не пришлось бы через половину королевства ехать ради работы служанки.

— Тётушка...

— Что тётушка? И имение бы сохранила, и меня отсюда забрала.

— Но он же старый!

— Скорее сдохнет! — фыркнула она и сложила руки на объёмной груди. — Теперь прячь подальше бунтарский характер, вспомни всё, чему учили няньки, и веди себя тихо. Поняла?

Я активно закивала, поглядывая на дверь кухни. Как же хотелось есть! Ну хоть краюшку хлеба!

— Ты не подумай, я брата своего ни в чём не виню, — продолжила тётушка. — Он, как и мой муженёк, разбазарил всё состояние, а нам, женщинам, теперь надо как-то жить. И всё же титул у тебя никто не забирал, поэтому королевский двор примет обнищавшую графиню, пусть и в платье прислуги.

Одежда служанок уже не казалась чем-то постыдным. После многодневной дороги на перекладных и весенних проливных дождей, я больше походила на мокрый мешок брюквы в промокшем шерстяном платье, чем на человека.

О красивых шелковых нарядах пришлось забыть. Как и о сытных обедах. Как и вообще обо всём, что могло ассоциироваться с графским титулом.

Проклятие нашего рода, не иначе. Когда-то дом Вальмердов был так богат, что мог позволить оплачивать целые войны. До сих пор считалось, что Драконью войну люди выстояли в том числе благодаря моим предкам, за что и получили графский титул.

Увы, из поколения в поколение род мельчал, тупел и нищал, пока меня — последнюю из Вальмердов — не выкинул на улицу лорд Гаруш, которому за долги умершего отца достался замок и все земли нашей семьи.

И вот теперь я стояла перед тёткой-кухаркой, которая сама совсем недавно щеголяла в изысканных платьях и гордо вздёргивала носик. Сейчас на ней было скромное платье из грубой ткани, посеревший передник и тяжёлая усталость на лице.

Мне уготована та же участь. Я почти смирилась. Раз тётка не сдавалась, то я тоже не сдамся. Плевать, что в качестве служанки, но я устрою свою жизнь и точно не сдохну, выпрашивая милостыню с протянутой рукой.

— Глаз не поднимай, рот не открывай, — продолжала наставлять тётка. — Кухня — хорошее место, сюда многие желают попасть. Ты ведь понимаешь, что отсюда у тебя один путь — на улицу?

— Понимаю, — закивала я, пряча взгляд в пол. — Я не подведу. Обещаю.

Из-за угла выплыла солидная дама в годах, облачённая в строгое чёрное платье. По её выражению лица можно по-

думать, что сама королева соизволила спуститься в обитель прислуги — настолько высокомерным и брезгливым было её лицо.

— А, Эрмель, это и есть твоя племянница? — спросила госпожа, окинув меня пренебрежительным взглядом.

Тётушка тут же принялась усиленно кланяться.

— Да, мадам, так и есть. Асмида Вальдемерд.

— Ещё одна Вальдемерд, — задумчиво причмокнула дама и снова оглядела меня, как корову на базаре. — Она чего-нибудь умеет?

— Конечно, конечно! Очень работающая девушка! И воспитание отменное! Всё умеет, всё-всё умеет!

— Шлюх не так предлагают, как ты кухарку. — Мадам закатил глаза. — Отведи в служебный флигель и выдай одежду. Пусть приступает к работе.

Странная дама. Вся такая правильная и высокомерная, а выражалась как сапожник.

— Это хозяйка прислуги, — прошептала тётка. — Дерись от неё подальше, если не хочешь заработать неприятности. Поняла?

Я закивала, а тётка опять схватила за руку и потащила уже другими коридорами дворца всё дальше от головокружительных ароматов кухни.

Мы оказались во внутреннем дворе. Не в том, где Его Величество проводит время среди цветущих садов, благоухающих роз и верных советников, а другая сторона, скрытая от

знати. Здесь воняло сеном и навозом, вокруг суетилась прислуга в одинаковых невзрачных одеждах, на длинных верёвках сушилось бельё, а рядом вальяжно гуляли стайки кур и гусей. Это была изнанка королевского двора, мир обслуги, который станет моим домом, если я буду правильно себя вести и не попаду в неприятности.

А неприятности я любила. Что поделать, нрав дома Вальдемерд бурлил в крови. И как ни старались няньки с гувернантками сделать из меня высокородную даму, мне куда ближе было носиться с дворовыми ребятами, лазить по деревьям и махать деревянными мечами.

— Не отставай, — рявкнула тётка и потянула сильнее. — Здесь не на что пялиться!

Ох, тётушка была в корне права!

Едва мы вышли на середину двора, как из конюшни с диким воплем выбежал парень в одной рубашке. Завидев молоденьких служанок, он поднял подол рубахи, демонстрируя девицам своё достоинство. Удивительно, но дамы даже не завизжали.

Потом он подбежал к нам и снова задрал рубаху, виляя бёдрами, отчего его естество болталось между ног, как язык колокольчика. Разве что не звенело.

— Драконья срань... — вырвалось из меня.

— А ну, пошёл отсюда, дурень! — заголосила тётка, хлестнув ржущего парня по голове. — Когда ж тебя, бестолкового, оскопят-то! А ты! — она резко повернулась ко мне.

— Ещё раз услышу бранные слова — высеку! Тоже мне, графиня!

— Да я... да он...

Я попыталась объяснить, что была так взволнована увиденным и не нашла иных слов. Вот только дурачок, громко хохоча, уже побежал искать других зрителей, а драконьи кашки так и повисли между мной и раскрасневшейся родственницей.

— Извините, тётушка Эрмель, такого больше не повторится.

Я опустила взгляд и молча пошла за тёткой. Но перед глазами всё ещё болтался отросток дурачка. Надо же, восемнадцать лет прожила на белом свете, а так близко голого мужчину видела впервые.

Было разок, что подглядывала с подружками за парнями у реки. Но то было издалека, толком не разглядеть. А тут на тебе, прямо перед глазами болтался. И, что самое удивительное, увиденное совершенно не стоило тех восторженных слов, какими дамы постарше отзывались о мужских инструментах любви.

2 глава

Кристан

Что-то мягкое и тёплое легло на грудь, щекоча шелковыми локонами. Интересно, кто из вчерашних подружек не ушёл?

Мне не хотелось открывать глаза, чтобы разглядеть негодницу. Ещё слишком рано.

Но девица считала иначе. Её маленькая ладошка скользила по груди, опускаясь к паху. Что ж, тоже не самое плохое начало дня.

Всего несколько нежных прикосновений к чувствительной коже, и я снова готов к свершениям. Для этого не обязательно просыпаться.

— Раз начала, то доведи до конца, — прошептал я, не открывая глаз.

Девица покорно нырнула под одеяло, обхватила губами головку и принялась причмокивать, старательно убаюкая своего господина.

На суету проснулась ещё одна подруга, приподняла рыжую голову, оценила движения под одеялом и снова рухнула, недовольно переворачиваясь на другой бок.

— Не отлынивай, — строго произнёс я.

Рыженькая стрельнула в меня сонный взглядом, недовольно поморщилась, но приказ выполнила. Теперь в районе

паха две красавицы пытались поделить между собой право облизать наследный жезл. Каждая хотела отличиться перед принцем, чтобы получить возможность провести ещё одну ночь в королевской постели.

Едва я настроился на приятные минуты в компании красавиц, как дверь в спальню распахнулась и на пороге возник тощий силуэт камердинера Дорфарда.

— Ваше высочество, пора вставать.

Две голые девицы в постели его нисколько не смутили. И не такое видел.

— Дай закончить.

— Совет скоро начнётся, Ваше высо...

— Знаю! Дай минуту!

Я зло положил руку на рыжую голову и резко надавил. Девица ахнула и проглотила до самого горла. Попытки вырваться закончились неразборчивым мычанием и движением головы под моим контролем.

— Сомкни губки посильнее, — прошептал я, чувствуя приближение финала. — Ещё сильнее!

Девица изо всех сил старалась, но получалось так себе. Долгожданное окончание вышло скомканным, приправленным слезами и слюнями раскрасневшийся рыжухи.

— Вот теперь можно на Совет, — выдохнул я и откинулся на подушки.

Не успел я собрать мысли, как комнату заполнили слуги. Одни выпроваживали девиц, другие готовили одежды, раз-

глаживая невидимые складки. Над ними стоял хмурый Дорфард и терпеливо ждал, когда же принц будет готов.

Во дворце считали, что моя неуёмная похоть вызвана молодостью и горячей королевской кровью. Отец в лучшие годы тоже славился отменным здоровьем, безудержной страстью и не пропускал ни одной служанки. Поэтому успел пойти под венец целых шесть раз.

Это правда, но лишь отчасти. Во всём мире только двое знали, что в моих жилах течёт кровь человека и драконицы. Немыслимо! Унизительно! Ведь всем известно, что люди и драконы сотни лет конфликтуют, вплоть до кровопролитных войн.

Вот только ни одна человеческая женщина не смогла подарить отцу наследника, а моя мать сумела. Меня и сестру.

А потом исчезла. Хотя по дворцу до сих пор ползли слухи, что отец её убил. Что ж, зная короля — вполне может быть.

Из-за драконьей крови в груди нестерпимо жгло, и только похоть могла хоть немного остудить этот пожар. Хладнокровный и собранный полукровка-дракон готов к любым испытаниям. Даже высидеть несколько часов на скучном королевском Совете.

— Все немного напряжены, — шепнул Дорфард у тяжёлых дверей зала. — Не накаляйте обстановку ещё сильнее.

— Разберусь.

За большим столом и правда было непривычно шумно. Министры, советники и старые генералы пытались донести

свои мысли, перебивая друг друга и не давая говорить. Отец молча сидел во главе этого балагана.

— Во дворце сегодня базарный день? — громко произнёс я, когда дверь за спиной закрылась. — Чего галдим?

На секунду в зале стало тихо.

— Ваше высочество, вы вовремя, — залезли советники и генералы.

— Ты опоздал, — сухо произнёс отец.

Я плюхнулся на свободное место, разглядывая покрасневшие от перебранки рожи.

— Но ничего не пропустил. По какому поводу спорим сегодня?

— На юге собирается армия короля Лидмара! — выпалил генерал.

— А на западе бунтуют недовольные крестьяне! — перебил его советник.

— При этом на востоке из-за дождливой весны погибли все посевы, а новые посадить не успеют — лето на носу, — сетовал министр.

Я откинулся на резную спинку кресла и по очереди посмотрел на каждого за столом. Министры хныкали, советники, вместо советов, ахали. Так себе собрание умнейших людей королевства.

— Получается, в славном Аркеноре война, голод и бунты, — заключил я. — Ну хоть на севере спокойно.

— Там же драконы! — возразил кто-то за столом.

— Они там всегда были и последнюю сотню лет проблем от них немного. — Я задумался всего на секунду. — Армию Северного замка надо перебросить на юг, так мы остановим Лидмара. Следом открыть кладовые знати на востоке и попытаться заново засеять поля. Ну а с бунтовщиками для начала выяснить, по какому поводу бунтуют. Всё просто.

— У тебя всегда всё просто, — проворчал король. — Северную армию никто перемещать не будет. Границы должны быть защищены от возможного нападения драконов. На юг отправим столичное воинство.

— И останемся без защиты? — усмехнулся я.

Король опасно нахмурил брови.

— От кого тебя надо защищать? От толпы шлюх?

— При чём тут шлюхи?

— При том что наследному принцу головой надо думать, а не тем местом, которое ты скоро сотрёшь. Как только до драконьего короля дойдёт весть о войне на юге, он, не раздумывая, нападёт на севере. И как, по-твоему, нам защищаться, если вся армия будет на другом конце страны?

Мне было что ответить, но судя по интонации отца, он уже всё решил и слушать советов не желал.

— Открывать хранилища зерна смысла не вижу, — продолжал король. — Урожай не вырастет. Мы останемся и без запасов, и без урожая. А по какому поводу бунтуют крестьяне королю знать не надо. На западе есть лорды, вот пусть и разбираются.

За столом одни советники согласно кивали, другие пытались осторожно возразить. Открыто с отцом никто не спорил — иметь голову на шее приятнее, чем видеть в корзине палача.

Я тоже давно перестал перечить отцу. У него на всё было своё королевское мнение. Спорное, а порой и вовсе опасное. Вероятно, сказывались старость и мерзкий характер. Вот только что мне оставит отец вместе с короной и трон? Что-то подсказывало, что не процветающее государство.

До самого обеда Совет то спорил, то пытался принять политические решения. Не получалось. Отец рубил любую идею на корню и продвигал свои намерения. По мне — спорные. Но лучше не лезть, когда отец не в настроении слушать советников.

После Совета мне уже не хотелось ни женщин, ни развлечений.

— Подготовь Фира, — приказал я Дорфарду. — Хочу развеяться.

— На охоту? — взгляд камердинера загорелся. Охоту он крайне уважал.

— Просто свалить подальше от дворца.

— А, может...

— Не может, — отрезал я.

Пока шли по открытой галерее к конюшне, мне предстала забавная картина: дурачок-конюх опять бегал по двору без штанов и пугал слуганок. Его бы выгнать, да только папаша

дурачка в своё время спас короля от понёсшей лошади ценой своей жизни, вот сынок и жил при конюшне в статусе неприкосновенного шута для прислуги.

К его выходкам давно привыкли, поэтому одни не обращали внимания, другие отмахивались и обходили стороной. И только одна девица — тощая, светловолосая и явно страшная — не постеснялась прямо у меня на глазах дать в нос дураку. Да таким поставленным ударом, что тот упал в грязную лужу и долго вертел головой, не сильно понимая, как оказался на земле.

— И больше своей морковкой перед моим носом не маши! — громко рявкнула служанка. — Честное слово, в следующий раз оторву!

Я невольно усмехнулся. Не уверен, что эта девка была в моих покоях, но не мешает познакомиться с ней ещё раз. Барышни с характером — моя слабость. Они не изображают из себя невинных недотрог, но и уложить их в постель ещё надо постараться.

3 глава

Мида

— Бесишь! — фыркнула я, разглядывая валяющегося на земле дурака-конюха.

Рядом, на куче прошлогодней капусты, сидела кухарка Зирма и, не отвлекаясь от обдирания гнилых листьев с качанов, довольно улыбалась.

— А ты не из кротких.

Я плюхнулась рядом на кучу, хватая полусгнивший качан.

— Вас самих его выходки не нервируют?

— Мы привыкли.

— Зачем его только держат? — ворчала я под нос, обдирая склизкие листья.

— Его папка когда-то королю жизнь спас. Так что ты его сильно не бей, а то ещё нажалуется, потом неприятности будут.

Не считая конюха с голым задом, меня во дворце всё устраивало. Работа не самая изнуряющая. На кухне всегда можно незаметно стащить какую-нибудь вкусняшку для королевского стола, да и тётка весь день была занята, так что не сильно меня контролировала.

Как минимум у меня была работа и крыша над головой. Причём не абы какая, а королевская. Что может случиться в таком месте? Только идиот без штанов, да гора вонючей

капусты.

Я резала кочан маленьким ножом и пыталась представить, как бы сложилась моя жизнь, не будь отец азартным пьяницей и транжиром. В мои восемнадцать была бы уже замужем за каким-нибудь молодым графом, рожала бы ему наследников. Наверно, самой большой проблемой был бы выбор платья из богатого гардероба, да нехватка шелковых шалей для прогулок.

Но получись, как получилось. Дочь графа Вальдемерда выбирала червей из капусты. Смешно. Если бы маменька увидела — умерла бы ещё раз, уже от стыда.

— Не ковыряйся, — буркнула Зирма. — К вечеру не управимся, экономка нас самих на щи пустит.

Я уже хотела огрызнуться, как у конюшни началось движение. Два мальчишки-конюха распахнули ворота и оттуда вывели коня. Я так и замерла с кочерыжкой в руке.

Гнедой. Не просто гнедой — королевский, это было видно издалека. Шкура блестела, словно его натёрли маслом, на шее переливался густой чёрный волос, вычесанный хвост нервно бил по задним копытам. Он шёл легко, но в каждом шаге чувствовалась сила — такая, что захоти он, и мальчишек унесло бы за ним по грязи. Конь фыркнул, мотнул головой, звякнула уздечка с серебряными накладками.

— Фир, — шепнула Зирма, сразу вытянув шею. — Любимец его высочества.

Я подняла глаза к лестнице чёрного хода, и тут вышел он:

высокий, широкоплечий, в тёмном камзоле без лишней вышивки. Ему не нужно было золото, чтобы его заметили, всё было написано на лице. Изящные ножны свисали с ремня и даже без камней кричали, что принадлежат принцу.

Чёрные волосы чуть касались воротника, словно он недавно снял перчатки и провёл по ним рукой. Лицо слишком красивое, чтобы быть настоящим. Не нежное, нет, а мужественное и резкое. Прямой нос, твёрдый и чисто выбритый подбородок. А глаза — синие, ясные, внимательные, с выражением пренебрежения ко всему вокруг. Я и сама не поняла, в какой момент сердце перестало биться.

До сегодняшнего дня о принце Кристане я знала только то, что он существует. Наследник престола, второй человек в королевстве после отца. Чего о нём думать, если вряд ли когда-нибудь увижу? Среди прислуги куда известнее была его младшая сестра — принцесса Ильсана. Капризная, несносная и чрезвычайно нахальная девчонка, от которой служанки сбегали раз в неделю куда глаза глядят.

Я так засмотрелась на принца, что совсем перестала дышать.

Он что-то сказал слуге, тот, кланяясь, отступил, передавая поводья. И вдруг принц повернул голову в нашу сторону. Не просто посмотрел мельком, а точно знал, на ком остановить взгляд. Я так растерялась, что забыла о правилах, учтивости и непростительно таращилась, стараясь не утонуть в синеве его глаз.

— Не пялся, — шикнула Зирма, толкая меня в бок.

Поздно. Он уже шёл к нам через двор, ловко минуя лужи и кудахчущих кур. Я попробовала встать, зацепилась за подол и едва не села обратно. Зирма уже всю кланялась господину, а я замешкалась, покрываясь жгучим румянцем.

— Новенькая? — спросил он, остановившись совсем рядом.

Ох, боги неба и земли, зачем он подошёл так близко? Зачем заговорил своим невероятным голосом, в котором был и мягкий бархат, и внутренняя сила одновременно. Я открыла рот и поняла, что в голове пусто. Ни имени, ни родословной — ничего.

— Я... да, ваше высочество.

Он улыбнулся, отчего в уголках глаз появилась едва заметные морщинки. И всё, я поплыла. Щёки загорелись так, словно меня лицом в печь засунули.

— «Я да»? Красивое имя, — сказал он. — Но, мне кажется, вам оно не идёт.

Зирма рядом подавилась смешком и ещё глубже наклонилась, чтобы никто не заметил.

— Асмида Вальдемерд, ваше высочество, — выдавила я. — Но все зовут Мида.

— Мида, — повторил он, растягивая звуки, а потом взял меня за руку.

Я даже не заметила, как протянула её. Он наклонился и галантно коснулся губами моих пальцев. Легко, но меня как

стрелой прошило в самое сердце.

— Рад знакомству, леди Мида, — почти прошептал он.
Леди.

Не мог же он знать. По платью служанки с грязными рукавами, в окружении капустной вони — какая из меня леди? Но он уже отпустил мою руку, и в его лице ничего нельзя было разобрать, кроме той самой улыбки.

— Хорошего дня, — добавил принц и, не оглядываясь, пошёл к своему коню.

Я смотрела, как он лёгким движением взлетел в седло. Конь под ним сразу взбодрился, затанцевал на месте, нетерпеливо перебирая копытами. Кристан что-то шепнул ему, тронул поводья, и через миг они уже вылетели со двора — гнедой, быстрый, сверкающий, и тёмная фигура на нём. Только брызги из луж полетели.

— Ну всё, — мрачно произнесла Зирма, хватая очередной кочан. — Пропала.

— Ничего я не пропала.

— Ага, все так говорят. Мой тебе совет, девочка — не ведись на его сладкие речи. Принц с виду красивый, щедрый и умеет говорить так, что ноги подкашиваются. Только служанкам от этого всегда беда. Позовёт на одну ночь — и наутро забудет как звали. Уж и служанок-то не осталось, которых он не испортил. Держись от него подальше, если умная.

Хотелось сказать, что мне и в голову не пришло бы... что я не такая... я вообще графиня, хоть и нищая, и унижаться

не стану. Но правда была в том, что мысли путались, а внутри всё ещё ярко отзывалось короткое прикосновение к руке. Оно превратилось в приятный ожог, который не хотелось лечить. Пусть навечно его поцелуй останется на коже и в моём сердце.

4 глава

Кристан

К полуночи я уже ненавидел непривычную тишину покоев.

Дождь весь вечер шуршал по свинцовым переплётam окон, в камине потрескивали сырые поленья, пахло воском и вином, к которому я почти не притронулся. На столике у кресла остывал ужин. Всё выглядело привычным, кроме отсутствия служанки, которая так и не шла.

Я послал за разорившейся графиней ещё до заката. Девушки приходили обычно быстро. Иногда краснели или глупо хихикали, порой строили из себя недотрог ровно до тех пор, пока за ними не закрывалась дверь. Мне нравилось разнообразие. Зачем содержать одну любовницу, если королевский двор — цветочная поляна симпатичных и самых разных девушек. Тем более, я не искал любви или дружбы. Зачем такие сложности наследному принцу, ещё и полукровке?

Ночь без обязательств была удобной. Особенно мне.

Под кожей медленно разгорался почти родной жар. Не тот, что даёт вино или злость. Я знал его слишком давно, чтобы обманывать себя. Драконья кровь просыпалась всегда некстати: после ссор, дурных вестей или бесконечных собраний, когда приходилось сидеть смирно и выслушивать новости с юга, севера и вечное нытьё лордов приграничных зе-

мель. Из любой щели в этом королевстве лезла беда, а мне полагалось оставаться невозмутимым наследником, кивающим на бестолковые планы отца. Огонь в такие дни особенно зло жрал изнутри.

Мида не шла.

Я прождал ещё четверть часа и вызвал Дорфарда. Тот явился с сонной рожей и доложил, что служанку вызывали, но она отказала.

— Отказала? Мне?

Вот это новость. Когда мне отказывали в последний раз? Дайте подумать... Никогда! Особенно дворовые девки.

Дорфард кашлянул в кулак. Это был редкий признак замешательства.

— Сказала, что не может явиться.

От удивления брови сами поползли вверх.

— Не может? — зло передразнил я.

— Так и передали, ваше высочество.

Жар в груди дёрнулся к горлу. Захотелось швырнуть в стену что-нибудь тяжёлое, возможно, самого Дорфарда. Я не терпел отказов. Никогда. Во дворце достаточно людей, готовых врать, льстить и притворяться, но не отказывать наследному принцу.

— Приведи хоть кого-нибудь, — выпалил я. — Немедленно!

Дорфард поклонился и исчез, а я остался стоять у камина, разглядывая, как осыпается красный уголь в точности так

же, как и мои опалённые нервы. Надо было рассмеяться и забыть. Подумаешь, одна служанка решила набить себе цену. Но дело было уже не в простой наглости. Мне не отказывали. Тем более прислуга. Тем более после моего прямого приказа.

Через несколько минут в покои вошла Лорка — темноволосяя, крепкая, с глазами кошки и полным отсутствием стыда. Она бывала у меня и раньше, знала дорогу и мои правила. Взамен любила выпросить какую-нибудь безделушку, вроде серёжек, но получая отказ, не сильно расстраивалась.

Она закрыла дверь ногой, сбросила шаль на кресло и принялась развязывать шнуровку так спокойно, как если бы собиралась не в мою постель, а раздевалась перед сном.

— Сердиты, ваше высочество? — между делом спросила она. — Видно по лицу.

— Ты пришла говорить?

— Не-а. Просто новостей полно, думала вас позабавить.

Ну да, совсем забыл, что девка — первая сплетница во дворце. Зато безотказная.

Она стянула рукава, обнажив грудь, поправила волосы и глянула на меня через зеркало.

— От вашей сестры опять две служанки сбежали. Одна ревела у чёрной лестницы, вторая клялась наложить на себя руки, только бы не обратно. Юная госпожа трепала их за волосы, кажется, из-за платья... или башмаков.

Я усмехнулся, хотя злость не ушла.

Сестра в семнадцать лет считала, что весь дворец суще-

ствует ради её прихотей. Честно говоря, многие в её возрасте думают так же. Просто не у всех есть королевский статус и армия подневольных служанок, обязанных терпеть её визг.

Мысль уже вертелась в голове. Простая, приятная и немного мстительная. Нищая графиня не захотела ко мне прийти? Что ж. Значит, найдёт себе занятие поинтереснее.

Лорка, виляя аппетитными бёдрами, подошла ближе и прижалась тёплым телом, закинув руки мне на плечи. Всегда доступная и безотказная. Такой и должна быть женщина, которая снимает напряжение. Просто тело. Без души, характера и мыслей.

Утром, едва Лорка незаметно выскочила из спальни, я позвал Дорфарда и приказал отправить графиню на службу сестре.

Он поднял густые брови.

— К её высочеству?

— Именно. И проследи, чтобы отказать она уже не смогла.

— Ваша сестра не любит своенравных. Да и служанка всего две недели как при дворе. Выпорет же, а то и вовсе...

— Разве это мои проблемы? — я метнул в него злой взгляд, не понимая причин беспокойства.

Дорфард хмыкнул носом. Старый лис умел хранить молчание, но мнение у него имелось обо всём.

— Как прикажете, ваше высочество.

Прошло несколько дней, прежде чем я вспомнил о своём приказе. Дворец делал вид, что живёт привычной, размерен-

ной жизнью, хотя за дверьми зала Советов споры шли до ночи.

Единственное место, где всё осталось неизменным — покой сестры. С утра до вечера оттуда доносился визг избалованной девицы, вперемишку с угрозами и битьём посуды.

— Мне нечего надеть! Нечего! Это уродство, это тряпка, это на старуху, в этом даже в конюшню стыдно выйти! — доносилось из-за дверей, когда я проходил мимо.

Я остановился и со злой улыбкой вспомнил графиню.

Двери распахнули перед носом, и в меня чуть не прилетела шляпка с перьями. Внутри царил привычный разгром: платья на кушетке, ленты на полу, открытые сундуки, в воздухе витал запах розовой воды, пудры и раздражения.

Сестра металась по комнате в нижней юбке и шелковой сорочке, размахивая кружевным рукавом. Растрёпанные тёмные волосы делали из неё простолюдинку, но грозный взгляд и капризно поджатые губы напоминали, что передо мной принцесса. Две служанки жались у шкафа. Третья стояла ближе всех и принимала удар на себя с таким лицом, что я остановился.

Нахалка Мида.

Чёрное платье ей не шло. Оно делало её ещё тоньше и мрачнее. Волосы туго стянуты в пучок, но несколько прядей выбились и прилипли к вискам. На щеке розовый след от брошенной шляпной коробки. В отличие от остальных служанок, она смотрела на принцессу прямо, не пытаясь согнуть

спину под натиском её воплей. Только теперь в них было меньше растерянности и больше холодного терпения.

Значит, не сломалась. Мне это понравилось сильнее, чем следовало. Тех, кто не сдаётся сразу всегда интереснее завоёвывать.

— Ах! Кристан! — сестра мгновенно переменялась, едва увидела меня. Голос стал сладким, спина выпрямилась. — Скажи им, что я не могу выйти из покоев в этом кошмаре! И вообще, почему отец с утра такой хмурый? Я всего-то новые платья попросила.

— Потому что у нас со всех сторон проблемы, Ильса, — ответил я, перешагивая через ворох лент. — На юге враги, на севере драконы, в столице вот-вот начнутся голодные бунты. Выбирай, что тебе больше нравится.

Она закатила глаза.

— Мне плевать на его проблемы. И на твои тоже! — Она звонко рыкнула и плюхнулась на кушетку, в облако из платьев и кружева. — Хочу поскорее выйти замуж за какого-нибудь заморского принца и уехать отсюда. Подальше от дождя, отца и тупых служанок. У меня через неделю день рождения. И что, кто-нибудь о нем вспомнил? Никто! А ведь нормальные принцессы уже в пятнадцать замуж выходят.

— Тебе некуда спешить, сестрица. Еще успеешь.

— Успею? — взвизгнула она. — Да я состарюсь, пока отец найдет мне жениха!

Последние слова она бросила через плечо, уже роясь в

сундуке. Служанки в стороне вздрогнули. Мида не шевельнулась, только чуть выше подняла подбородок.

От её нестигаемого вида во мне снова зашевелился знакомый жар. Женщины давно перестали иметь лица или особенные черты, которые хочется запомнить. Тело и тело, разница лишь в мягкости, цвете волос и высоте голоса. Но строптивость нищей графини задела. Вероятно, даже больше, чем я рассчитывал.

Такие не падают в руки сами. Их надо брать. Иногда силой, если потребуется.

Мида стрельнула в меня недобрым взглядом, потом подняла с пола синюю накидку, расправила и подошла к сестре. Не дело щеголять перед мужчиной в одной сорочке, пусть даже перед братом.

Я едва не рассмеялся. Воспитание у служанки имелось, выдержка тоже. Ну что ж, тем лучше. Я не прочь поиграть с непокорной девицей. Ведь она уже проиграла. Живя в моём королевстве, в моём дворце, она будет следовать моим правилам.

Пусть злится. Пусть терпит сестру, чужие капризы, бессонные ночи, визг, разбросанные по комнате башмаки. Пусть помнит, кто отправил её сюда. Я не привык оставлять непослушание без ответа. А ещё я слишком хорошо знал одно правило: чем дольше женщина сопротивляется, тем почтнее падает на колени.

Сестра продолжала жаловаться, что рукава у нового пла-

тъя полнят, отец её не любит, а дворец смердит сыростью. Я отвечал наугад. Слова шли сами, без смысла и поддержки.

Всё внимание оставалось на Миде.

Я наказал её, хотя сам до конца не понимал зачем. От непривычки получать отказы. От банальной скуки.

5 глава

Мида

К вечеру я еле доползла до своей каморки под самой крышей. Ноги гудели, пальцы ныли от шнуровок, ленточек, застёжек и бесконечных коробок со шляпами, которыми её высочество швырялась весь день. От волос пахло розовой водой, от передника — пылью из гардеробной, а в голове стоял её нескончаемый визг.

Принцесса оказалась настолько несносной девчонкой, что перед ней меркли все прочие принцессы мира. Ладно, других я не видела, но уверена — они хотя бы воспитанные. И не бросаются острыми заколками.

Оставалось убеждать себя, что она не так уж и плоха. Вероятно, капризы вызваны смертью матери и вечно занятым отцом. Ну или просто принцесса бесилась от безделья. Такой вариант я тоже не исключала.

И всё же странно было наблюдать за красивой дамой королевских кровей, с растрёпанными тёмными волосами, выразительными голубыми глазами, такими же яркими, как и у брата, и при этом орущая на прислугу, как товарка на рынке.

Я толкнула дверь плечом и мечтала рухнуть на узкую постель, но она была занята тётушкой Эрмель. Она сидела посреди кровати с таким лицом, с каким люди обычно приходят не жалеть, а добивать.

— Наконец-то, — фыркнула она. — Нагулялась?

Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и тихонько сползла на пол. Только тётушки мне не хватало для ужасного окончания и без того бесконечного дня.

— Похоже, что я весь день прохлаждалась?

— Не дерзи мне!

Она поднялась и каморка сразу стала ещё теснее. Тут и так два шага от стены до стены, да крошечное оконце под самым потолком. Не такую жизнь во дворце я себе представляла.

— Ну как, нравится прислуживать её высочеству? — зашипела тётка. — Чего тебе не сиделось тихонько на кухне, дура? Хорошее место ведь! Нет, надо было попасться на глаза его высочеству.

Я устало потёрла лоб.

— Мы не выбираем, кому попадаться на глаза.

— А чего отказала? Одна ночь и свободна. Знаешь, сколько молоденьких служанок через его покои прошли? Да почти все!

— Воспитание, тётушка. Воспитание не позволило.

— Ой, дура-а-а, — тётка картинно схватилась за голову. — Лорд Гаруш ей старый, с принцем воспитание не позволило. На улице ведь окажешься!

— Принц тоже старый!

— Да ну! Ему всего-то двадцать шесть... или двадцать семь.

— Всё равно старый, — насупилась я.

Тётка упёрла руки в бока, наливаясь злым румянцем.

— Знаешь, что, нищая привереда? Если ты со своим строптивым характером ещё и меня за собой потянешь, придушу вот этими руками руками!

Вот тут я вскинулась.

— Что мне надо было делать? Бежать ночью в спальню к мужчине, которого я даже не знаю? Спасибо, тётя, у нас в роду и так достаточно унижений.

Она фыркнула.

— В роду. Вспомнила! Твой род давно проигран и продан, девочка. Титул-то есть, но толку от него нету. Здесь выживают иначе.

Пришлось стиснуть зубы, чтобы не показывать тётушке гнев. Я и без постоянных напоминаний знала, что от графини во мне остались манеры, память о длинных столах в старом доме и привычка держать спину, когда хочется согнуться. Но слышать такое от неё всё равно было мерзко.

— Я не виновата, что принц позвал меня. И не виновата, что отказалась.

— Виновата. Во всём виновата. Красивых дур во дворце хватает. А потом они бегут отсюда, роняя башмаки, и хорошо, если к родне. А если некуда — на улицу. Побираются да мрут в канавах. Вот что тебя ждёт.

Мне стало жарко, хотя из щели под дверью тянуло сквозняком. Я медленно поднялась, желая показать родственнице, что разговор окончен. Та, обученная тем же манерам, резко

вздёрнула подбородок и прошла мимо, толкая меня плечом.

Уже в дверях она резко обернулась и полушепотом произнесла:

— Если принц снова позовёт — иди. Спрячь гордость по-
дальше и улыбайся. Твоё воспитание в мире слуг и господ
не стоит ничего. Понравишься принцу, может, подыщет тебе
мужа из офицеров. Навряд ли, конечно, ему никто не люб,
но ты уж постарайся.

От неожиданности я даже рассмеялась.

— Прекрасный совет.

— Смейся, смейся. Вспомнишь ещё слова тётки, когда по-
дыхать будешь в вонючей канаве.

Она поправила платок, бросила последний колючий
взгляд и вышла вон, тихонько прикрыв дверь, чтобы не по-
беспокоить других слуг.

Когда за ней закрылась дверь, я долго стояла посреди ком-
наты и смотрела на треснувший край таза. Потом села на
кровать, стянула башмаки и уставилась на свои красные, на-
тёртые ноги.

Ужасно хотелось расплакаться. Я и не думала, что коро-
левский дворец может оказаться местом, где каждый шаг или
случайный взгляд способен обернуться бедой. Конечно же, я
знала, что жизнь за пределами графского дома будет нелёг-
кой. Но не думала, что для выживания надо уметь быть хит-
рой и бесстыдной.

И правда, что мне стоило согласиться прийти к принцу?

Да ничего! Все люди этим занимаются. И не всегда добровольно. Подумаешь, перетерпеть один позор и избавиться от сотни мелких. Но гордость вцепилась мне в горло и не пускала.

Я так и заснула прямо в одежде, размышляя о том, что невозможно одновременно влюбиться и возненавидеть одного человека. А именно так у меня и вышло. Похоже, я потеряла голову от принца с первого взгляда, но ненавидела его всей душой за распутный и мстительный нрав.

Утро началось с раннего подъёма и мокрого двора после дождя. У конюшни парило, куры копались в грязи, гуси шипели на кухонного мальчишку, который гнал их от двери. Я несла стопку чистых нижних рубашек из прачечной в гардеробную принцессы и старалась никого не замечать.

Увы, меня саму заметили.

Кристан вышел из арки, ведущей к конюшне, в тёмном охотничьем камзоле, без плаща, с перчатками в руке. Вид у него был такой, будто весь двор принадлежал ему, дождь тоже, и я в придачу. За его плечом мелькнул вороной Фир, которого держал конюх. Принц сказал ему что-то через плечо, не глядя, и тот мгновенно отвёл коня обратно.

Подумалось, что за охапкой вещей он меня не заметит, но у принца, похоже, отличное зрение.

— Графиня служанка! — окликнул он и хищно улыбнулся.

Я опустила глаза и пошла быстрее. Глупо, конечно, пото-

му, что он догнал меня в три шага, взял за запястье и без всякого смущения увёл в сторону, за широкую колонну галереи, где нас закрывала от двора тень и мокрый плющ.

Рубашки едва не посыпались из рук.

— Пустите, — зло шептала я.

— Зачем? Ты же не закричишь.

Я вжалась спиной в холодный камень колонны и возненавидела себя за то, что колени ослабли не только от страха и смущения.

Его пальцы крепче сжали моё запястье. Другой рукой он упёрся в колонну рядом с головой, и я оказалась в ловушке из мокрого камня, тёмной ткани и мужского тепла. Сердце колотилось так, что мне казалось, он слышит.

— Почему ты не пришла?

В голове метались обрывки всех мыслей разом. И моя гордость, и слова тётушки, что надо идти, если предлагают, и страшилки про нищету и канаву.

— Я вас безгранично уважаю, ваше высочество. И всю королевскую семью тоже, даже не сомневайтесь. Но единственный мужчина, в чью спальню я зайду — это мой супруг.

Уголок его рта дрогнул.

— Но супруга у тебя нет.

Я нервно качнула головой.

— Ну надо же, невинная служанка и распутный принц. Мне нравится расклад.

— А мне не очень... ваше высочество.

Он тихо хмыкнул и наклонился ниже, оказавшись неприлично близко. Дыхание предательски сбилось, когда он провёл носом у виска, вдыхая запах моих волос. Хотелось оттолкнуть его и одновременно замереть, чтобы он не отстранился.

Ненавижу! Или мне нравится?

— Ты придёшь сегодня вечером?

Одна ночь позора, счастливая тётка и возвращение на кухню, вместо капризной принцессы. Не отказывай. Не отказывай!

— Как прикажете, — едва слышно прошептала я.

— Это не приказ, а дружеская просьба.

— Мы не друзья.

Он помолчал, разглядывая меня так внимательно, что кожа на шее вспыхнула.

— Я могу взять тебя прямо здесь, — сказал он тихо, без улыбки. — И никто меня не остановит.

У меня внутри всё обвалилось. Я знала, что кричать правда бессмысленно. Если кто-то и услышит, то сделает вид, что не глухой. Во дворце слишком хорошо понимали, кому можно всё.

— Чем больше ты сопротивляешься, тем сильнее притягиваешь, — произнёс он уже совсем другим тоном. Тише. Хриплее. — Не испытывай моё терпение, графиня.

Я хотела ответить что-нибудь едкое, острое, спасительное, может быть даже ударить, но в этот момент из-за колонны

раздался сухой голос:

— Ваше высочество.

Мы оба обернулись.

У входа в галерею стоял длинный, тощий господин в безупречном тёмном камзоле. Я видела его пару раз, но во дворце так много слуг, что всех не упомнишь. Вероятно, он один из старших дворцовых распорядителей, из тех, у кого воспитание, холодность и деликатность в крови с рождения. Только сейчас в его голосе не было обычной вежливой пустоты. Там звенело что-то натянутое.

— Его величество ждёт вас немедленно, — взволнованно произнёс он. — С юга прибыл гонец.

Кристан резко отстранился, впусив между нами холодный утренний воздух. На его лице за одно мгновение не осталось ничего прежнего — ни насмешки, ни ленивой игры. Только собранность.

— Позже, — бросил он мне так, что я не поняла, обещание это или угроза.

И ушёл за распорядителем быстрым шагом не оглядываясь.

Я ещё несколько секунд стояла за колонной, прижимая к груди смятые рубашки. Во дворе всё было по-прежнему: гуся, конюхи, лужи, ленивый пар из ноздрей лошадей, но мне уже не казалось, что это обычное утро. По спине полз неприятный холодок.

6 глава

Кристан

Гонца встречали не за столом Советов, а прямо в тронном зале. Отец восседал на троне, держа спину ровнее обычного. Чуть ниже стояла взволнованная толпа. Советники сбились кучей у ступеней, министры спорили вполголоса, кто-то уже сорвался на крик и тут же осёкся. Воздух в зале можно было резать ножом.

— Наконец! — фыркнул отец, метнув в меня хмурый взгляд. — Враг на подступах к городу.

Я замедлил шаг, пытаюсь прочесть по лицам, насколько всё скверно.

— Как близко?

— Два перехода, — отчеканил седой генерал. — Может, один. А, может, и вовсе уже у ворот. Воинство, которое отправили к южной границе, разбито.

— И мы ничего об этом не знали?

— К армии Лидмара присоединились бунтовщики с запада. Они ловят наших разведчиков и гонцов, поэтому донесения приходят с большой задержкой.

— Немыслимо! Нас поимели, как идиотов! Как вы это допустили?

В зале никто не шелохнулся. Даже министры, обычно любившие шелестеть советами, замолкли. Им нечего было по-

советовать, ведь по приказу отца столичные войска отправили на юг, где и полегли. Из большой свиты генералов и во все осталось несколько человек. И они предпочли молчать. Знали, что сейчас нам не хватает всего: воинов, времени и даже храбрости.

— Кто остался поблизости? — спросил я. — Западные гарнизоны? Восточные лорды?

Старый советник Варн дёрнул щекой.

— Западный лорд Тальгард сдерживает бунты крестьян. Да и не успеет при всём желании.

— Север?

На этом слове несколько человек переглянулись.

— Север не отдаст ни копья, — сухо произнёс король. — Их дело — защищать нас от драконов. Да и что толку, если враг уже стучится в двери?

Я сжал руки за спиной, чтобы отец не увидел раздражения. Он всё ещё упирался, не желая принять очевидное: из-за его приказов враг дошёл до столицы.

— Тогда собираем городское ополчение и вооружим кого сможем. Перекроем южные ворота, снесём мосты на нижнем тракте, приведём людей из окрестных деревень за стены. Несколько тысяч точно наберём.

— Чем вооружать ремесленников? — лениво спросил канцлер, и за эту ленцу мне захотелось свернуть ему шею. — Кухонными ножами? Оружие ушло вместе со столичным гарнизоном.

— У вас есть предложение лучше?

Он отвёл глаза. Идей у него не было. Ни у кого не было. Все присутствующие в тронном зале превратились в несмышлёных детей, которым позволили руководить целой страной, и во главе этого бардака, увы, стоял мой отец.

Вязкую тишину тронного зала нарушил гул с площади.

Сначала я принял его за гром. Весной небо часто трещало над башнями. Но гром не скандирует и не ревёт человеческими глотками.

К окнам кинулись сразу несколько человек. Я подошёл последним и увидел, как внизу, на королевской площади, собирается людская масса. Впереди шли самые бойкие и громкие. Они подбадривали разношёрстную толпу горожан, идущую за ними. Мелькнули вздёрнутые кулаки, грабли и палки. Кто-то прятал под плащами мечи. В толпе проглядывались не только горожане. Среди городской одежды мелькали старые солдатские сюрко, шлемы без гербов, слишком уверенная выправка. Эти пришли не кричать. Они пришли ломать.

Королевские солдаты на ступенях пытались оттеснить толпу щитами. Их было ничтожно мало.

— Как они собрались так быстро? — выдохнул кто-то у меня за спиной.

Я уже понял как. Пока мы лениво смотрели на юг, не сильно веря, что Лидмар соберёт большую армию, в город протасили другую войну. Через склады, трактиры, подвалы и де-

шёвые речи среди рыночного гула. Бунтовщики сначала не обращали на себя должного внимания, но вместе с южным королём, они превратились в серьёзную угрозу.

Внизу строй солдат дрогнул. Потом исчез под напором тел.

Мятежники победно заорали, выламывая двери дворца.

— Закрывать внутренние ворота! — бросил я генералам. — Всех, кто может держать меч, ко мне. Запереть королевское крыло. Уведите женщин из нижних залов. И найдите мне капитана дворцовой стражи, если его ещё не раздавили.

Я уже шёл к выходу, когда отец крикнул в спину:

— Столицу нам сегодня не удержать. Сохрани хотя бы дворец.

Вот так самый грозный владыка, которого боялись все соседние королевства, превратился в немощного старика, не способного даже меч из ножен вытащить. Я знал, что отец сдаёт и физически, и умственно. Похоже и врагам кто-то нашептал, что во главе Аркенора стоит немощный и поглупевший старикашка, не способный защитить даже замок.

В коридорах уже началась паника. Служанки бежали с перекосенными лицами, пажи липли к стенам, один мальчишка уронил поднос и смотрел на раскатившиеся кубки с таким отчаянием, будто в них была его жизнь. Внизу кто-то закричал. Следом раздался звон стекла.

Камень ударил в витраж галереи и прошёл его насквозь. Цветные осколки посыпались на пол. Второй булыжник вре-

зался в нишу с мраморным святым. Тому снесло половину лица.

— Щиты сюда! — рявкнул я. — Быстрее! де капитан дворцовой стражи?

Из бокового прохода выскочили шестеро стражников, двое в неполных доспехах, один без шлема, с растерянной рожей. Ещё трое из кухонной охраны. К ним прибился старый копейщик из караула северной башни, которого давно должны были отправить на покой. Небогатое войско.

И среди этого мелькнул знакомый чёрный силуэт и копна светлый волос.

Мида стояла у развилки коридоров с охапкой белья, бледная и перепуганная. На лице переливалась стеклянная пыль. При виде меня она нахмурилась и крепче сжала ткань в руках.

— Ты что здесь делаешь? — крикнул я, затормозив на полшага.

— Ищу принцессу, — ответила она быстро. — Её увели в западное крыло, потом все побежали, я потеряла...

— Я найду. Выбирайся из замка.

Она вскинула подбородок, даже сейчас нашла в себе это упрямство

— Я умею держать меч.

— Убивала когда-нибудь?

Мида поджала губы и закачала головой.

— Тогда только помешаешь. Уходи.

Она кивнула и исчезла в боковом пролёте, не задавая глупых вопросов и более не пытаясь геройствовать.

Баба с мечом. Дожили, драконы нас разорви.

Внизу грохнуло так, что пол под сапогами отозвался дрожью.

Мы побежали к главной лестнице. Шум нарастал с каждым пролётом — рёв толпы, железо и режущий слух визг. Среди мрамора холла уже шла резня. Внутренние двери выбили. Людской поток ввалился в приёмный зал и разлился дальше, обегая колонны, пачкая ковры, спотыкаясь о тела. Кто-то из слуг лежал лицом вниз в нише у ног статуи, рядом билась в рыданиях придворная дама, и ей уже никто не мог помочь. Бунтовщики били всех подряд с такой жадностью, какая бывает у людей, дорвавшихся до безнаказанности.

— Держать проход! — крикнул я.

Мы встали поперёк лестницы, выставили щиты. Первые трое налетели сами, на ярости и инерции. Я рубанул сверху вниз, почувствовал, как клинок вошёл в плечо, выдернул, пнул второго в грудь. Справа старый копейщик насадил кого-то на древко и тут же получил нож под рёбра. Он ещё пытался удержаться, но осел на ступени, глядя на меня с изумлением.

Людей было слишком много. Они лезли по телам своих, цеплялись за перила, орали, скользили в крови и снова шли. За спинами самых отчаянных я уже видел знакомые цвета формы южных солдат. Они не кричали. Работали чётко и

слаженно. Били в слабые места строя, валили щиты, подрезали ноги.

Под кожей начинал разгораться знакомый жар. От ключиц к горлу, по спине, под рёбрами. В такие минуты мне всегда хотелось сорвать с себя человеческую шкуру и ответить огнём. Одним выдохом очистить лестницу, зал, весь проклятый вход. Увы, кроме огня в венах, от драконов мне не досталось ничего. Я не обращусь, не взмахну крыльями и не смогу испепелить врагов огненным дыханием.

Придётся биться как люди.

Я оттеснил ещё одного нападавшего и услышал сверху треск.

Драконы? Не может быть. Они не заключат мир ни с одним человеческим королём.

Требушет. Первый снаряд пробил верхнюю галерею где-то над южным крылом. Камень прошиб кладку с таким звуком, будто дворцу вырывали кусок кости. Посыпалась штукатурка, поднялось облако пыли. Кто-то заверещал ещё громче, перекрикивая вой толпы. Второй удар пришёлся ближе, люстра качнулась, и цепь жалобно загудела, в унисон далёким воплям.

— Замок не выдержит, — сказал кто-то из моих, и в его голосе не осталось ничего живого.

Я вытер кровь с глаз тыльной стороной перчатки и крепче ухватился за меч.

— Назад не отступать. Кто побежит, сдохнет в коридорах.

Кто останется, проживёт чуть дольше.

Мы снова приняли удар. Дворец тряся, люди метались по верхним переходам, из распахнутых дверей тянуло дымом, мокрой пылью и страхом. Я видел, как рушится привычный порядок вещей, и ничего не мог с этим сделать. Ни как сын короля, ни как мужчина, ни как то существо, которым я был на самом деле.

Оставалось стоять до последней капли огненной крови. Рубить. Держать лестницу, пока руки слушаются, пока стены ещё стоят.

7 глава

Мида

Ещё утром двор жил обычной жизнью, где слуги суетились по хозяйству, а господа нежились в своих больших и тёплых кроватях. Мой главный страх был не нарваться на старшую экономку, выдержать ещё один день с принцессой и не попасться на глаза принцу.

А к обеду дворец уже резали на части.

Я пряталась в нише за колонной, прижав к груди дрожащие руки, и старалась дышать через раз, чтобы никто не услышал. По коридору во все стороны бегали люди. Неслись, сталкивались, падали, цеплялись за стены. Кто-то кричал так, что у меня сводило зубы. Другие молились. Женский голос захлебнулся на полуслове. Потом я увидела, как мужчина в рваных лохмотьях догнал молодого лакея, совсем мальчишку, и ударил его в живот коротким мечом. Просто так, на бегу. У лакея даже оружия не было.

Сегодня никого щадить не станут. Ни королей, ни слуг. Если я хочу выжить, надо бежать. Не к главным лестницам, там поджидает смерть. Служебными ходами, до кладовых, через погреба, куда угодно, лишь бы за неприметной дверью не стояла такая же толпа.

Оставалось ждать, пока захватчики убегут достаточно далеко. Шаги стихли. Над головой снова грохнуло, с потолка

посыпалась пыль.

Я высунулась из ниши. Сделала один шаг. Второй.

И тут в коридор ввалилась очередная галдящая орава. Военные. Грязные, мокрые, с чужими цветами на рукавах и с лицами, жаждущими смерти. Я юркнула обратно так быстро, что ударилась плечом о стену. Сердце колотилось в горле. Пришлось зажать рот ладонью, чтобы не всхлипнуть.

Они пронеслись мимо, спотыкаясь об трупы, хохоча и добивая раненых. Я считала про себя, чтобы не сорваться. До двадцати. До тридцати. Потом опять решилась.

На этот раз я почти выбежала из укрытия и врезалась прямо в человека. Окровавленный меч оказался у самого горла.

Дёрнулась, готовая заорать, и только тогда узнала принца. Волосы слиплись от пота и крови, лицо в тёмных брызгах, на скуле свежая царапина, сюртук разодран у плеча. Дышал он тяжело, резко, и глаза у него были совсем дикие. В них не осталось ни лени, ни сальной насмешки, которой он обычно раздевал служанок ещё до первого слова.

— С ума сошла? — рывкнул принц так, что я вздрогнула. — Прячься, если дорога жизнь!

Он отвёл меч и даже не остановился толком, уже собирался идти дальше, туда, куда убежала та толпа.

Я вцепилась ему в рукав.

— Нельзя.

— Отпусти.

— Там слишком много врагов. Вас убьют.

Кристан коротко, зло усмехнулся. Так скалятся обезумевшие перед дракой.

— Тебе-то что? Возьмёшь кухонный ножик и пойдёшь в атаку?

Почему бы и нет? Раз сам принц готов стоять насмерть, то и мне отступить некуда. Я ведь из Вальдемердов, а мы всегда были на стороне короны.

Я подняла с пола небольшой клинок и неловко помахала их перед лицом, чуть не отрезав себе кончик носа.

— Да, ваше высочество. Пойду с кухонным ножом.

Ухмылка превратилась в разочарование.

— Уходи, дурёха.

Он хотел пройти, но я снова загородила ему дорогу. Сама не знаю, откуда взялась эта наглость. Наверное, от ужаса или потому, что если я сейчас его отпущу, то через минуту увижу ещё одно тело на каменном полу.

— Армия уже на подходе? — спросила я. — Стража ведь отстоит дворец?

Кристан посмотрел на меня так, будто ему задали самый глупый вопрос на свете.

— Нет армии. Разбита. Стража легла у ворот и в залах. Если хочешь, умирай с остальными, только мне не мешай.

Никого не осталось. Нас победили быстрее, чем мы смогли это осознать.

— Надо уходить, — прошептала я. — Особенно вам.

— Уходить? — Он хрипло и зло рассмеялся мне в лицо.

— Ты предлагаешь мне бежать?

— Да. Именно.

— Я не отступлю, красавица. Где это видано, чтобы наследник престола сбегал?

— Если вы погибнете, королевский род прервётся и у короны не останется наследника. Вы обязаны выжить.

Он уставился на меня. Станный был миг. Крики рядом, топот, где-то снова гулко падали камни с потолка и звенели люстры, а мы стояли в узком коридоре и спорили, вместо того, чтобы спастись.

С дальнего поворота донеслись шаги. Много. Следом новые крики.

Я не думала, просто схватила принца за руку и потащила в нишу, где сама пряталась последние минуты.

— Тихо, — шепнула я.

Он втиснулся следом. Места между нами почти не осталось. Камень за спиной, колонна у плеча, и Кристан так близко, что я чувствовала жар его тела даже через ткань. Он дышал часто, тяжело. Я же старалась не дышать вовсе, чтобы нас не услышали.

Мимо шла бесконечная толпа. Солдаты, бунтовщики с дубинами и кухонными ножами. Кто-то хохотал, кто-то орал, кто-то дрался за украденные украшения из королевских покоев. Один тащил серебряный подсвечник. Другой — женскую шаль, намотанную на руку. И всё это двигалось мимо нас, вглубь дворца, как грязная вода после ливня. Если Кри-

стан выскочит им навстречу, его просто растопчут.

Но у него хватило мозгов и выдержки стоять рядом и молчать. Я чувствовала, как напряглась его рука у моего локтя, как сжимался меч и вокруг нас собирался чёрный, почти осязаемый гнев.

Шаги ещё долго не стихали. Коридор жил раскалённым добела бешенством, дворец трещал, где-то сверху опять что-то рухнуло, и я вздрогнула всем телом. Кристан прижался ближе и свободной рукой прикрыл мою голову от кусков штукатурки.

Я же вцепилась в его рукав, чтобы не позволить выскочить из-за укрытия, если ему опять взбредёт в голову мысль противостоять всему миру в одиночку. Сама идея под стать принцу, в этом сомнений не было, но только совершенно бестолковая в происходящем хаосе. Я это отчётливо понимала и очень надеялась, что Кристан не совсем дурак.

8 глава

Кристан

Я понял, что она права, в ту секунду, когда очередная толпа пронеслась по коридору мимо нашей ниши, и я не выбежал навстречу, размахивая мечом.

Раньше шагнул бы. Упрямства и ярости мне не занимать. Короли не сдаются, не отступают, даже если впереди тысячи копий, чужие знамёна и собственная глупость.

Но Мида стояла совсем рядом, тесно прижимаясь ко мне в темноте, и крепко держала за рукав. Ещё крепче — цеплялась взглядом.

— Не выходите, — шепнула она, когда топот сапог в коридоре почти стих. — Надо немного переждать.

Я стиснул зубы, пытаюсь совладать с гневом и жаром в теле.

— Чего же ждать?

— Чтобы уйти. И даже не пытайтесь противиться! Я знаю, как можно выбраться из дворца.

— Ну выберемся, а дальше что? — фыркнул я чуть громче нужного, и Мида тут же одёрнула рукав.

— Не знаю... придумаем. Сейчас дворец — самое опасное место. В городе сможем затеряться.

— И? Предлагаешь прятаться, как трусливая крыса?

— Предлагаю выжить!

Я смотрел на бледные очертания лица девчонки и впервые за день думал не о том, кого ещё успею зарубить, а сколько бед свалится на королевство, если дам себя убить. Потом представил Лидмара на троне отца и едва не зарычал. Не бывать такому! Трон принадлежал моей семье третью сотню лет, и ничья другая задница на нём сидеть не будет.

— Ладно, — согласился я, сделав глубокий вдох. — Веди.

Она кивнула так резко, что светлые пряди сильнее выбились из причёски, и первой выскользнула из ниши. Я пошёл следом.

О том, сколько в моём собственном дворце существует ходов, о которых я не имел ни малейшего представления, я узнал за следующие четверть часа. Узкие лестницы, промозглые коридоры и незаметные двери без ручек. Здесь разило сыростью, золой, капустой из кухонь и мышами. Навверху, за толщей перекрытий, грохотала гибель дворца, а внизу тянулась другая жизнь — тёмная и неудобная, спрятанная от господских глаз. Жизнь, по которой служанки и повара бегали годами, пока я разъезжал по парадным галереям и считал себя хозяином дворца.

Мида двигалась быстро, но иногда терялась в коридорах. Тогда она останавливалась, хмурила брови и после недолгих размышлений показывала рукой, куда сворачивать. Я добровольно отдал свою жизнь служанке, которую даже не знал. Странное поведение, но сегодня весь день был полон странностей.

В полумраке огонь под кожей клокотал особенно остро. Кровь, страх, запах дыма — всё будило во мне то, чему лучше бы не просыпаться. Порой хотелось развернуться и бежать назад, в мраморные залы, резать и рубить, пока сам не упаду. Может, хоть тогда огонь погаснет и перестанет терзать. Но в следующую секунду слышал шёпот Мида, приказывающей не останавливаться, и покорно следовал за ней.

Мы выбрались во внутренний двор через низкую дверь за прачечной. Здесь уже вовсю порезвились захватчики. Грязь на улице перемешалась с кровью в тёмные лужи. У стены лежал повар в белом колпаке, и колпак его стал красным на одну сторону. Возле бочки, где обычно дрались гуси, ничком лежали две девчонки из кухни. В одной я узнал рыжую смешливую свечницу, которая вечно строила мне глазки. Сейчас глаза у неё были открыты в пустоту.

— Сюда, — позвала Мида, стараясь не смотреть на тела.
— Не останавливайтесь.

Наперерез нам из-за угла вышел Дорфард.

Тощий, длинный, мокрый до нитки. В руке клинок. Ухмылка у него была почти будничная, от этого стало хуже.

Я остановился.

— Прячься, Дорфард. Живо!

Он качнул головой.

— Нет, ваше высочество. Самое время.

Голос у него дрожал не от страха, а от злости, которая сочилась наружу через огонь во взгляде.

— Десять лет я тебе сапоги подавал, рубахи застёгивал, двери закрывал. И десять лет видел одно и то же. Ты только и умеешь, что трахать служанок да придворных дам. Из тебя выйдет дрянной король. Даже хуже твоего полоумного папаша.

Ни злости, ни обиды. Только поганое чувство, что осада столицы раскроет ещё много предателей и врагов короны. Дорфард замахнулся тяжело, по-стариковски, с опозданием на полвздоха.

Я шагнул навстречу и проткнул его почти без усилия.

Он устоял на меня, не веря, потом осел в грязь. Клинок выпал из его руки с каким-то жалким звоном. Я смотрел на него и не мог уложить в голове. Десять лет рядом. Десять лет.

— Предателей развелось слишком много, — проворчал я, и собственный голос показался чужим.

Мида дёрнула меня за руку, с опаской оглядываясь по сторонам, словно ждала ещё толпу таких вот Дорфардов.

— Не стойте истуканом, заметят же!

Мы перебежали к конюшням, внутри которых было душно и странно тихо. Ни ржания, ни топота. Пустые стойла. Сорванные крючья. Королевских лошадей увели вместе с ценной упряжью.

В дальнем углу, в сене, лежал конюх-дурачок. Здоровенный парень с вечно счастливой ухмылкой, который боялся петухов и любил подкармливать моего жеребца яблоками. Он и умер с той же улыбкой, только шея у него была пере-

резана до кости.

Мида резко втянула воздух, но не отвела взгляд.

— Снимайте кафтан, — приказала она.

— Что?

Не лучшее время для любовных утех. Вот совсем не во время.

— В королевском наряде вас моментально вычислят. Возьмите одежду конюха.

Мне ещё никогда не приказывали таким тоном. И уж лучше бы она тоже начала раздеваться, потому что натягивать на себя окровавленную одежду конюха в мои планы не входило. Я на миг даже забыл, что дворец пал, и чуть не рассмеялся от нелепости момента.

— Не стойте дураком! — прошипела служанка. — Переодевайтесь!

Сама она в это время развязывала шнуровку на груди и бросала в сено чёрную ткань. Вероятно, платье комнатной служанки выглядело слишком дорогим для улиц. И, вероятно, её совершенно не смущало остаться в рубахе и нижних юбках.

Вид тонкой талии и открытой спины мне определённо нравился, вот только кроме меня на полуголую девчонку будут смотреть и другие мужики.

Словно читая мысли, Мида метнулась в дальний угол и сняла с крючка два плаща, в которых конюхи обычно водили лошадей во дворе. Один бросила мне под ноги, второй наки-

нула на хрупкие плечи и моментально стала неотличима от толпы бунтовщиков.

Похоже, она понимала, что надо делать.

Одежда конюха была коротковата в рукавах и тесна в плечах, воняла потом, сеном и кровью. Ничего, переживу. Я стянул через голову рубаху, потянулся за грубой курткой и уловил боковым зрением, как Мида быстро отвернулась, а потом, против воли, всё же глянула ещё раз. Уши у неё вспыхнули до самых кончиков.

Даже сейчас.

Мне почему-то захотелось улыбнуться, но грохот с улицы быстро привёл в чувство.

— Довольны? — спросил я.

— Нет, — отрезала она. — Теперь надо выглядеть так, будто мы тащим краденое.

— Краденное? Это мой дворец!

Она шагнула ко мне, прежде чем я успел ответить, и обеими руками взъерошила волосы. Просто взяла и растрепала, как мальчишке. Я застыл.

Наглость была несусветная. И очень неуместная. И почему-то приятная.

— Так лучше, — сказала Мида. — Лицо тоже грязью бы измазать, но времени нет. Берите что-нибудь тяжёлое. Чтобы не походить на беглого господина.

Я подхватил седло, валявшееся в сене. Она взяла уздечку и истёртые ремни, которыми побрезговали настоящие гра-

бители. В таком виде мы и двинулись дальше — вор и его девчонка, если смотреть издалека.

Служебный ход от конюшни вёл к кладовым. Где-то впереди хлопнула дверь, кто-то пробежал ругаясь. Я поднял руку, останавливая Мида, но она уже увидела то, на что смотрел и я.

У стены, возле перевёрнутой корзины, лежала женщина в сером платье. Немолодая, полная, с крепкими руками. На груди расплзлось тёмное пятно.

Мида выронила упряжь и опустилась рядом с ней на колени так быстро, что я не успел её удержать.

— Тётя Эрмель... — Голос у неё сломался. — Ну как же так...

Она тронула мёртвую щеку, и я впервые увидел, как эта упрямая девчонка плачет. Без всхлипов и жалоб. Слёзы просто потекли по лицу, пока она сидела в грязи возле мёртвой прислуги.

— Мида. Надо идти.

Она не ответила.

— Слышишь? Сама говорила, если нас найдут здесь, ляжем рядом. Потом поревёшь.

Жёсткие слова, но других у меня не было.

Она коротко кивнула, вытерла лицо дрожащими ладонями, и я уже решил, что сейчас она встанет. Но Мида вместо этого быстро расстегнула на тётке корсет, засунула руку внутрь и вытащила спрятанный мешочек с монетами.

Я вскинул бровь.

— Серьёзно?

— Деньги понадобятся живым, — сказала она хрипло. —

Мёртвым они уже не нужны.

И сунула мешочек себе за пазуху так деловито, что я невольно усмехнулся.

Вот тебе и служанка. Выдержки ей точно не занимать. А ещё потрясающая безжалостная трезвость, с какой она обобрала мёртвую родственницу ради собственного спасения. Признаться, мне понравилось.

Мида поднялась, подхватила упряжь и посмотрела на меня красными от слёз глазами.

— Пора, ваше высочество.

— Ты же не хотела, чтобы я выглядел принцем.

Она выдохнула, почти сердито.

— Тогда идём, конюх, пока нас не прирезали в вонючем чулане.

Я поправил «украденное» седло, толкнул плечом дверь в следующий коридор и пошёл за ней. Впереди шумела чужая столица, захлебнувшаяся бунтом и южной сталью. Позади умирал дворец, который я не смог защитить.

Оставалось сделать хотя бы одно полезное дело — выжить.

9 глава

Мида

Графство Вальдемердов находилось среди полей и лесов далеко на западе, почти на границе с эльфийским королевством, в стороне от крупных дорог. Самый большой город — Гральден — был размером с пару улиц столицы. В Гральдене толпы собирались только в праздник урожая, веселясь до самого утра. Я даже эльфов пару раз видела, хотя они не сильно жалуют людей.

Впервые попав в столицу, я была поражена её размерами и красотой. Здесь люди были всегда и повсюду. А ещё бесконечные базары, лошади, хмурые гвардейцы, пьянчужки у трактиров и дамы в откровенных нарядах, зазывающие смущённых мужчин. Столица казалась местом, где можно пропасть среди бесконечных улочек, лавок и суеты.

Сегодня нам с Кристаном как никогда требовалось затеряться. Он старался выглядеть простолюдином, даже сгорбил и опустил голову к груди, но мне всё равно казалось, что на нас смотрят с подозрением.

Мы шли по переулкам, прижимаясь к стенам, а город вокруг жил какой-то бешеной, дурной жизнью. На углу трое почтенных торговцев в некогда дорогих одеждах, сидели прямо в грязи и пили из одной бутылки, обливая бороды красным вином. Двое парней дрались у разбитой мясной

лавки так яростно, что не замечали, как третий вытаскивает у них из-под носа полтуши свиньи. Из булочной тащили мешки с мукой, из галантереи — шелковые ткани, из аптекарской — даже пустые склянки. Кто-то хохотал. Кто-то выл. У одной женщины на шее болтались сразу четыре золотые цепи, и она тащила чужого гуся под мышкой, жадным взглядом высматривая что-нибудь полезное вокруг.

Кристан молчал и не отходил ни на шаг. Я к стене — и он, я перебегу дорогу — он за мной. Иногда он наклонялся ко мне так близко, что я чувствовала тепло его кожи даже сквозь грубую ткань плаща.

— Не туда, — шептал принц. — На той улице слишкомлюдно.

И я злилась, потому что он был прав. Откуда мне знать город, в котором я толком ничего не видела? Зато принц знал и вёл нас узкими улочками вокруг замка, до центральной площади, а оттуда в сторону ворот.

Я было решила, что нам повезло и мы проскочим, но площадь открылась впереди сразу, вся, как на ладони, и я резко остановилась, едва не сбив с ног какую-то женщину.

Народ расхаживал вокруг торчащих посреди площади длинных шестов. На вершинах насажены головы. В центре, на самом высоком — голова короля. Его сразу и не узнать. Ещё вчера владыка казался каменной и неприступной глыбой, которую ничто не сможет свергнуть, а сегодня его седые свалявшиеся волосы липли к дереву, и рот был открыт так,

будто он хотел кому-то возразить, но не успел.

Вокруг шести пониже с головами пойманной знати и офицеров. На брусчатке капли крови, которые горожане растирали башмаками, оставляя вокруг шестов кровавые следы. Одни брезгливо морщились, другие с любопытством тарасились, третьи и вовсе не гнушались бросить камнем в головы, которые уже не могли ответить.

Рядом с королём два шеста пустовали. На одном из них неровно висела доска и на ней выведено углем: «принц кристан будит тута».

Ещё и с ошибками. В другом случае я бы фыркнула. Сейчас гнев смешался с подступающей тошнотой.

Кристан смотрел на шест так, что мне стало по-настоящему страшно и за него, и за себя. Он побледнел, даже губы потеряли цвет. Глаза стали темнее, почти до черноты. Его руки медленно сжались в кулаки и потянулись к мечу.

— Не смотрите, — прошептала я. — Не надо. На вас и так все пялятся.

Он не шелохнулся.

— Хотите туда же? — сквозь зубы прорычала я. — Вы же и меня за собой потащите.

Это подействовало. Он моргнул, словно его окатили водой, и медленно перевёл взгляд на кровавую брусчатку.

Я схватила за рукав и потянула в сторону арки между домами. Лишь бы он не оборачивался, только бы не смотрел. Казалось, он сейчас сорвётся, побежит к шестам и начнёт

рубить каждого, кто посмел глазеть на его отца. И вот тогда нам всем конец. А мне почему-то очень сильно захотелось жить. Прямо до тошноты сильно, до скрежета зубов.

— Они заплатят, — бормотал он едва слышно. — Каждый заплатит.

— Обязательно, но не сейчас, — шептала я в ответ. — Сначала надо выбраться из города и найти безопасное место.

К северным воротам мы шли окольными путями и вышли уже далеко после обеда. Небо стало низким, свинцовым, на зубцах стены сидели мокрые вороны. Я увидела стражу изда- лека и сразу поняла, что дело дрянь. Не королевская гвардия в синих плащах с серебром, не городские дозорные. Эти но- сили цвета врагов, только уже перепачканные вином и гря- зью. Один сидел прямо на бочке, другой мочился на стену, третий рылся в чьем-то узле.

Кристан тихо выругался.

— Лидмарцы. Надо искать другой выход.

Поздно. Один из солдат уже заметил нас и ткнул локтем товарища.

— Эй вы! — крикнул он. — Куда собрались?

У меня сердце рухнуло в пятки так быстро, что спёрло дыхание. Но ноги сами понесли вперёд. Если начать бежать — точно конец. Я сунула принцу наш мешок с ремнями и шагнула к воротам, изображая усталую, забитую девицу, ко- торой не до опасности, лишь бы её оставили в покое.

— Господин, — сказала я и даже глаза опустила. — Вы-

пустите нас с братом. Он у меня дурной, с него станется в драку полезть или ещё чего натворить.

Я дёрнула плечом в сторону Кристана. Тот немедленно напустил на себя дурной вид и уставился в одну точку так убедительно, что я едва не восхитилась.

Солдат ухмыльнулся. У него были редкие зубы и жирная борода, в которой застряла крошка.

— Из города никого не выпускают.

— Тогда мы обратно пойдём, — поспешно сказала я. — Нам не горит.

Я уже начала пятиться, но он поймал меня за руку.

— Не горит? — переспросил он. — А если я подумаю и выпущу? За ласку, а? Совсем немного. Ты девка ладная, хоть и тощая.

Позади него заржали остальные, разглядывая меня с макушки и до грязного подола.

Внутри обдало такой волной стыда и злости, что на миг потемнело в глазах. Я попыталась вырвать руку.

— Пустите. Сказала же, мы не спешим.

— А я сказал, что могу подумать.

Он потянул меня к боковой нише в стене, туда, где темнее и не видно с дороги. Я упёрлась каблуками в грязь, рванулась, но он был тяжелее, сильнее, пьянее. Смех за спиной стал громче. Я повернулась к Кристану — неосознанно, просто потому, что в эту секунду мне нужен был хоть кто-то.

Он уже шёл к нам. Слишком быстро для человека, кото-

рый только что стоял в десяти шагах и притворялся дурачком. На лице появилась настолько устрашающая ухмылка, что я испугалась не за себя, а за всех вокруг. И поняла: если сейчас ничего не сделаю, Кристан нас выдаст.

— Что, братец-дурачок, посмотреть хочешь? — хохотал кто-то из стражников.

Небольшой клинок я прятала в рукаве с тех пор, как мы вышли из дворца. Маленький, неудобный. Таким разве что овощи чистить.

Я выхватила его почти вслепую.

Стражник даже не успел понять. Только рот открыл, когда я полоснула его по горлу снизу вверх, как резала бы тугую бечёвку. Тёплая кровь хлынула мне на пальцы, запачкав рукав и брызгая на грудь. Он выпустил мою руку, захрипел и осел на колени, глядя на меня с тупым изумлением. Я тоже смотрела. На то, как быстро человек перестаёт быть человеком.

Я впервые забрала чью-то жизнь. Тело затрясло так, что зубы стукнули друг о друга.

Из оцепенения вырвал истошный крик. Я не помнила, как отступила к стене. Помнила только Кристана — уже среди стражников. Блеск меча и короткий, страшный хруст. Один солдат рухнул ничком, второй схватился за живот, третий даже меч не успел поднять.

Через несколько мгновений всё кончилось. Никто из проходящих горожан не посмел вступить ни за стражников,

ни за человека, истребляющего врагов. Люди отходили подальше, бросая в нашу сторону испуганные взгляды, но ни один не закричал.

Кристан подскочил ко мне, схватил за шкурку, как нашкодившего котёнка, и дёрнул к воротам.

— Идти можешь?

Он посмотрел на мёртвого у стены, на мой клинок в руке, и в его глазах мелькнуло что-то резкое, почти невозможное в такой момент. Гордость.

— Молодец, — выдохнул он хрипло. — Испугаешься потом. Сейчас некогда.

И мы побежали.

Я спотыкалась, он тащил меня вперёд почти силой. За спиной оставались ворота, трупы, столица, где на шесте ждали его голову. Перед нами тянулась раскисшая дорога, чёрные поля и неизвестно что ещё. Мне было страшно до дурноты. Кристану, уверена, тоже. Но он продолжал бежать, а я следовала за ним. Потому что назад дороги больше не было.

10 глава

Кристан

Едва мы отошли от городских ворот настолько, что крики за спиной стали тише, Мида резко свернула с дороги. Я даже не сразу понял, что она делает. Только что она бежала рядом, спотыкаясь в размокшей колее, а в следующий миг уже юркнула в сторону, между кустами орешника и молодыми ёлками, туда, где с тракта нас не было видно.

Пришлось сворачивать за ней и переходить на бег, потому что упрямая девчонка не сбавляла шаг. Ветки хлестали по лицу, мокрая трава цеплялась за сапоги, земля пружинила под ногами, норовя утянуть в трясины. Её грязное платье мелькало впереди, то пропадая, то снова появляясь между стволами. Глядя на её узкую спину, подумалось, что мир окончательно сошёл с ума, раз моя жизнь сейчас держалась на плечах молоденькой служанки, худой, как тростинка, с бестолковым клинком в рукаве.

Я знал сильных людей. Генералов, рыцарей, охотников с севера, даже нескольких наёмников, которых отец принимал во дворце. У всех сила выглядела понятно: голос, мышцы, привычка приказывать. У служанки Миды даже близко не наблюдалось ничего похожего. Только сжатые зубы и какая-то бешеная решимость, с которой не хотелось спорить.

Когда стены столицы скрылись за мокрыми холмами, а

шум бунта затерялся в шелесте листвы над головой, она, наконец, остановилась. Постояла мгновение, будто у неё кончился завод, потом опустилась на колени и рухнула прямо в высокую траву.

Я не спешил её поднимать. Пусть осознает, проревётся, а потом поговорим.

Девчонка закрыла рот ладонью и заплакала навзрыд, глотая звуки. Худые плечи мелко тряслись, светлые волосы прилипли к влажным щекам, на испачканном рукаве уже подсыхала чужая кровь. Я облокотился о мокрый ствол, слушал, как ветер шуршит кустами, и терпеливо ждал. Что ещё делать? Не бросать же молоденькую девчушку посреди горящего королевства.

Вероятно, нужно было как-то поддержать, сказать что-нибудь приободряющее, но мне самому нечего сказать. За спиной остался разграбленный дворец, предатели и шесты на площади, с головой моего отца, которого я не уберёг. Мне бы самому сейчас не помешали бодрые слова.

Мида плакала долго. Потом притихла и просто сидела в траве, утирая лицо ладонью и сердито глядя в землю, будто слёзы её оскорбили.

— Полегчало? — спросил я.

Она кивнула, не поднимая глаз, но и вставать не спешила.

Пришлось присесть на корточки напротив. Теперь, когда бешеная спешка схлынула, я видел её всю: перепачканный подол, оцарапанные руки, клинок валялся в траве, как на-

поминание о первой смертельной ране. Тонкие пальцы дрожали. И подбородок тоже. Но взгляд, когда она наконец посмотрела на меня, был ясный.

— Спасибо, что не бросили у ворот, ваше высочество. Могли ведь.

Я чуть не усмехнулся. Странная у неё была привычка благодарить не за то.

Не бросил бы. Ни там, ни раньше, в переулках, ни на площади. Надо уметь ценить верных короне людей. Их и так, похоже, почти не осталось.

— Это я тебе обязан. Но сейчас мне нечем отплатить, при себе только меч и фамильный перстень. Меч тебе ни к чему, перстень тоже бесполезен. Если попробуешь его продать, тебя, скорее всего, повесят.

Она неожиданно фыркнула носом, получилось что-то среднее между усмешкой и смущением.

— Мне не нужны чужие кольца, у самой осталось фамильное от отца.

— То-о-очно! Графиня же.

Она кивнула, пряча порозовевшие щёки.

— Верно, ваше высочество. Из Вальдемердов.

— Я ведь как раз приглашал тебя, чтобы узнать, с чего бы графиня прислуживает на кухне. Но ты отказала.

Женщины любят ушами, так что заболтать девицу показалось не самой плохой идеей. Быстрее успокоится и снова превратится в бесстрашную воительницу.

— Из-за долгов отца. Он был заядлым игроком, потерял всё состояние и наши земли выкупил лорд Гаруш.

— И что же, лорд выкинул тебя на улицу?

— Нет, предлагал жениться, но я отказала.

— Почему?

Мида посмотрела на меня, как на идиота.

— Потому что он старый! Старше вас. Даже старше отца!

— Эй, постой-ка, я что, по-твоему, старый?

Девушка окинула меня оценивающим взглядом и уверенно кивнула.

— Не молодой, да.

— Мне всего двадцать шесть! Я даже ещё не король!

Мида вдруг изменилась в лице и внимательно на меня посмотрела.

— Король, — шепнула она. — Последний из рода. Значит, формально, король.

У меня не было времени подумать, кем я стал после смерти отца. Но не правителем, нет. Меня никто не короновал. Если не соберу армию и не отобью столицу, то и не коронуют.

Между нами повисла пауза. Не враждебная, скорее неловкая. В городе всё было просто: бежать, прятаться, резать, если прижали. За городом началась другая беда. Надо было решать, что делать дальше.

Мида решила первой.

Она встала, спрятала клинок в юбке и сказала, не глядя на меня:

— Я в вас верю, ваше величество. Если бы моя семья была такой же могущественной, как и в первую драконью войну, мы бы помогли. Вальдемерды всегда на стороне короны. Но от меня одной вам проку никакого.

Я тоже поднялся.

— Что, вот так просто разбежимся?

Она неуверенно кивнула.

— И куда же вы пойдёте, госпожа графиня-служанка? — усмехнулся я.

— Куда-нибудь.

— Это не направление.

— Не переживайте, я что-нибудь придумаю. У вас есть дела поважнее.

Не переживайте. Хороший совет. Кто бы дал его с утра.

Я посмотрел в сторону севера. Отсюда не было видно ни дорог, ни застав, только низкие тучи и тёмную полосу леса, но я и так знал, где искать спасение. Северный замок. Там стояло верное войско, которое отец отказался призвать. Боялся драконов. Плевать на крылатых, сейчас решается куда более важный вопрос.

У меня в запасе было пару дней, пока армия Лидмара грабила столицу. Потом они начнут расползаться во все стороны, как гнойная болезнь, захватывая новые земли. Мне необходимо их опередить.

— Я пойду на север, — крикнул в спину уходящей Миды. — Там большое войско охраняет границы от драконов.

Она обернулась и нахмурилась.

— Будьте осторожнее. Не связывайтесь с блудными женщинами — ограбят. И с часто улыбающимися мужчинами — убьют и отберут даже сапоги. И ночью не ходите, бандиты могут поджидать.

— Вы много знаете про дорогу, леди Вальдемерд.

— Так и есть. Путь из графства в столицу не близок.

Она опустила взгляд на мой меч, потом на руку, где под слоем грязи и крови всё ещё поблёскивал перстень.

— Берегите себя, — улыбнулась она.

Мы развернулись почти одновременно. Я пошёл к тракту, она — вдоль опушки, туда, где кусты гуще и можно затеряться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.